

народных читальнях. Народные библиотеки-читальни должны были следовать правилам публичных библиотек. Одновременно перестали действовать и каталоги Министерства народного просвещения. После 1917 г. народные библиотеки и читальни были преобразованы в массовые библиотеки.

Источники и литература

1. Курмаев, М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.) / М.В.Курмаев. – Самара, 2008. – 550 с.
2. Чекушова, Т.Т. Страницы дней перебирая: итоги смотра конкурса альбомов по истории библиотек Мордовии / Т.Т. Чекушова // Библиотечное краеведение Мордовии. Вып. 2. – Саранск, 1994. – С. 11-13.
3. Савин, О. Из рода Олферьевых / О. Савин // Советская Мордовия. – 1982. – 5 нояб.
4. Кубанцева, А.И. Библиотеки для народа в Мордовском крае (начало XX в.) / А.И. Кубанцева // Регионология. – 2012. – № 3. – С. 197-198.
5. Житаев, В.Л. Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII – начало XX в.) / В.Л. Житаев, И.В. Седина. – Саранск, 2008. – 256 с.
6. Звягинцев, Е. Правовое положение народных библиотек за 50 лет / Е. Звягинцев. – Москва, 1916. – 54, [2] с.
7. Кубанцева, А.И. Становление сети библиотек в Мордовском крае / А.И. Кубанцева // Румянцевские чтения. 2009: историко-культурные традиции и инновационные преобразования России. Просветительская ответственность библиотек: материалы Междунар. науч. конф. (21-23 апр. 2009 г.): [в 2 ч.]. – Москва: Пашков дом, 2009. – Ч. 2. – С. 102-107.

Четырина Н.А.¹

Приданое: состав, традиции, практики наследования и возвращения в род невесты (по материалам Сергиевского посада)

Аннотация. *Материал содержит информацию о женской собственности, прежде всего о приданом и разнообразных коллизиях, связанных с его бытованием, сохранившихся в документах фондов ратуши Сергиевского посада и Троице-Сергиевой лавры.*

Ключевые слова: *Сергиевский посад, приданое, семья, право, наследство, внутрисемейные отношения.*

Chetyrina N. A.

Dowry: composition, traditions, practices of inheritance and return to the bride's family (based on the materials of Sergievsky Posad)

Abstract. *The material contains information about women's property, primarily about the dowry and various conflicts related to its existence, preserved in the documents of the funds of the town hall of Sergiyevskiy posad and the Trinity-Sergius Lavra.*

Keywords: *Sergiyevskiy posad, dowry, family, law, inheritance, intra-family relations.*

Изучение семьи, внутрисемейных супружеских и имущественных отношений давно стало одним из постоянных объектов внимания отечественных и зарубежных историков. Свои особенности они имели в городской купеческо-мещанской среде XVIII-XIX вв., интерес к которой, а также к положению в ней женщин и архивным источникам по этой теме, проявляется в современной историографии [9; 11; 13].

¹ Четырина Наталья Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва).

Предлагаемая статья продолжает ранее опубликованные мною сюжеты [14; 16]. Здесь речь пойдет о женской собственности, прежде всего о приданом и разнообразных коллизиях, связанных с ним, которые возникали среди жителей Сергиевского посада.

Приданое могло состоять из имущества движимого (денег и вещей) и недвижимого (дома, лавки, земли, дворовладения). Оно считалось собственностью невесты. Вышедшая замуж женщина могла единолично распоряжаться своим приданым: пользоваться, дарить, продавать, отдавать в залог, передавать по наследству. Ей для этого не требовалось согласие мужа ни в устной, ни в письменной форме, а в документах не требовалось ни подписи мужа, ни упоминания о его согласии. В случае смерти бездетной замужней женщины, ее овдовевший муж имел право по закону на $\frac{1}{4}$ часть движимого и $\frac{1}{7}$ часть недвижимого имущества покойной супруги, а остальное должно было вернуться в ее род. В случае смерти мужа его бездетная вдова получала аналогичную долю из имущества покойного и свое приданое.

Однако на практике законодательные нормы не исполнялись в автоматическом режиме. Обычно, заключая свадебные акты (рядные, сговорные), составляя описи (росписи) приданого, родственники невесты старались обеспечить сохранность передаваемого имущества и возможность получения его обратно в род невесты в случае ее бездетной кончины. «Подобная предусмотрительность, кажущаяся неловкой для современного восприятия и вроде бы противоречащая самому характеру брачного документа, представляла собой в XVIII в. обычную практику, направленную на исключение возможных имущественных споров в будущем» [10, с. 38-39]. Особенно это касалось наличных денег, которые соблазняли мужей легкостью присвоения. Такие документы были решающими аргументами при возникновении имущественных конфликтов. По этой причине составлялись не только сговорные записи, в которых были указаны время и условия бракосочетания, но и росписи (перечни) приданого, которые хранились в семьях и позволяли контролировать судьбу имущества.

Росписи были своего рода гарантией возврата имущества в разных ситуациях. Но и они не всегда сразу помогали реализовывать законные права. В 1803 г. вдова дмитровского купца Девишина Татьяна Петрова обратилась к своему дяде купцу Сергиевского посада Сергею Прохорову Москалеву за помощью в возвращении приданого из дома покойного мужа. Её приданое, хотя и было «Дмитровским городничим с полицейскими бургомистрами с посторонними людьми описано и препоручено Дмитровскому магистрату», «но по неоднократной моей просьбе и по сие время не отдано» [7, л. 13 об.].

В фонде ратуши Сергиевского посада сохранилась одна-единственная сговорная 1843 г. и еще одно договорное письмо 1774 г. Краевед К.А. Филимонов, обнаруживший в фонде Троице-Сергиевой лавры список имущества архитектора С. Болдырева 1812 г., отмечает, что «отсутствие сравнительных данных не позволяет судить, насколько обеспечена была семья» [12, с. 81]. Однако редкость регистрации подобных документов не означает, что такие документы не составлялись вовсе. Традиция составления росписей приданого сохранялась в Сергиевском посаде вплоть до начала XX века. Краевед Татьяна Николаевна Шпанькова в одной из своих книг воспроизводит роспись приданого Марии Сергеевны Токаревой, в замужестве Горулевой, начала XX в., которая и в начале XXI в. бережно сохраняется в семье Горулевых [17, с. 102-103]. Удалось обнаружить следы таких документов в делах фонда ратуши Сергиевского посада (ЦГА Москвы. Ф. 73) и Троице-Сергиевой лавры (РГАДА. Ф. 1204).

Вдова Марфа Тимофеева, урожденная Дружинина, по первому мужу Букина, в феврале 1774 г. вторично вышла замуж за бобыля Герасима Петрова Комкова и в октябре 1786 г. умерла бездетной. С этого момента ее ближайшие кровные родственники, родной брат мещанин Прохор Тимофеев Дружинин и сестра мещанка Акулина Тимофеева, в заму-

жестве Балашева, пытались вернуть в свой род принадлежавшее покойной имущество, а именно «после первого ее мужа собственной двор, анбар и торговое к постройке лавки место, притом же и приданого за тою сестрою ево как образов з золотыми и серебряными окладами, крестов, цепочек золотых и серебряных, кокошник и лента жемчужная, платья мускова и женского, посуды медной и оловянной и протчаго пожитку по примеру на тысячу на пятьсот, да деньгами четьреста рублей», всего на 1 900 руб. Разбирательство в ратуше длилось около года. В одном из объяснений вдовец Герасим Комков сообщил, что лавка с товаром на 400 руб. сгорела во время пожара 1781 г., при погребении жены он истратил 100 руб., еще 100 руб. вложил по ее велению в церковь, а «потом в колокол дано 10», часть денег израсходовала сама жена Марфа, а некоторые вещи подарила своим родственникам. «Оставшуюся посуду и святыя образа некоторые променивал и употреблял за неимением у себя торгу на домашние расходы и дневную пищу, а другие поставлены в залог у купца Никиты Михайлова, под которые и набрал съестные припасы» [6, л. 66-71]. В результате из приданого Марфы ее родственники не получили ничего.

Купец Яков Федоров Серебреников в 1807 г. наделил солидным приданым дочь Наталью при выходе в замужество за штатного служителя Павла Петрова Шорина (Шерникова). В его состав вошли: две иконы в серебряных окладах и венцах (Скорбящая Божия матери и Николая Чудотворца); повязка золотная, на ней поднизь в 8 золотников жемчугу кафимскаго; переденка бусонная на 11-ти нитках; серьги серебряные с жемчугом и камушками; еще серьги жемчужные; запонка серебряная с жемчугом; цепочка серебряная плащатая в три кольца; кокошник матерчатой с гасом золотным; повойник парчевый с гасом золотным, два платка шелковых голубой и вишневым с золотыми травками; три шубейки, две штофные (малиновая и голубая) и одна китайчатая с 4-мя серебряными пуговицами, все на заячем меху с фраками (воротниками); три душегрейки – по одной из штофа малинового, из гарнитура и китайчатая, две холодные с позументом золотным, а одна на заячем меху с 6-ю медными пуговицами; два растегая (распашных сарафана) китайчетых с медными пуговицами; сарафан штофный малиновый с позументом золотным и пуговицами серебряными; кисея травчатая; полотняная манишка, рубашка, фартук; скатерть, 4 полотенца, занавеска бумажная с подзором, простыня с подвесом, перина, подушки, одеяло. После смерти дочери в 1813 г. родительница вдова Анна Николаева обратилась в Учрежденный Собор лавры и сумела взыскать приданое и сохранить его для осиротевших внуков [1, л. 6-7 об.].

В 1809 г. другой житель Сергиевского посада мещанин Илья Иванов сын Серебреников при выдаче дочери Веры в замужество пообещал жениху мещанину Ивану Алексееву сыну Лифанову дать сверх написанного в росписи приданого половину дома (две горницы) с половинной частью дворовой и огородной земли. Обещание было письменно оформлено и прошло предписанную законом процедуру утверждения в ратуше [8, л. 6 об.]. Дополнительно отец дал «перединку жемчужную, шубку пукетовую» (т. е. нагрудное жемчужное украшение и сарафан особого кроя из ткани с букетами). Как часто бывает, хорошо начавшиеся отношения закончились неважно. Спокойной семейной жизни в одном доме у тестя и зятя не получилось. Попытки договориться, осуществить полюбовный раздел, в том числе в виде денежной компенсации тестя за обещанную зятю половинную часть, не получилось. Раздел через судебные инстанции тянулся несколько лет до 1820 г., с участников взыскали деньги за пошлины и разные судебные издержки [5, л. 318-319].

В январе 1814 г. умер мещанин Прохор Васильев Масалин 29 лет, после которого остались бездетная вдова Елена Васильева и брат мещанин Николай Васильев Масалин, претендовавший на имущество покойного (каменную лавку на Красногорском рынке, а из движимого – платье, посуду, прочие домашние вещи и конскую збрую). Вдова Масалина сообщила о фактах использования вещей из ее приданого для получения

денег на постройку каменной лавки: «поднизь жемчужная, заложенная у купецкаго сына Егора Алексеева Трегубова суммою во сто шестидесяти пяти рублях; Спасо-Вифанскаго монастыря у соборнаго иеромонаха и казначея Павла: серги жемчужныя, перло жемчужное на одиннадцати ниток, запонку жемчужную, шубейку штофную с опушью и фракком собольим, растегай штофной с серебряными позолоченными пуговицами с позументом, душегрейка штофная с пузументом, платок гарнитуровой с золотыми каймами и лапочками, всего в сумме пятистах рублях. Да сверх того продано им тож по любовному с мужем ее согласию цепочку с крестом серебряным за дватцать пять рублей, перстней и колец серебряных же всего десять штук за дватцать один рубль, занавеску и запон ситцовые, обложенные атласными лентами за сорок два рубля». А всего на 753 руб. Однако, по закладной вещи были заложены только у купца Трегубова, а у иеромонаха Павла – без всякаго документа. Кроме этого, в маклерских книгах также не было обнаружено записи полюбовного договора жены с мужем об использовании вещей из приданого для финансирования постройки лавки. По этой причине, наследник выкупил жемчужную поднизь и вернул вдове брата под расписку [4, л. 17-24]. Все остальное имущество из приданого не подлежало компенсации.

В 1843 г. была составлена и зарегистрирована в ратуше сговорная на девицу Марью Иванову, которая выходила в замужество за мещанскаго сына Ивана Иванова Балашова. Через несколько лет в ратуше Сергиевскаго посада разбиралось дело по жалобе Марьи Ивановой Балашовой на своего свекра Ивана Яковлева Балашова. Истица требовала вернуть ей данные в приданое отцом 5000 руб. асс. По мнению свекра, сноха ни при каких обстоятельствах не могла претендовать на получение денег, так как это не предусмотрено подписанным документом. Ратуша отказала Марье Ивановой, но она обратилась к московским стряпчим и к концу 1848 г. дело было решено в ее пользу. За услуги стряпчих ей пришлось уплатить 185 руб. сер. – в пересчете на ассигнации 587 руб. 50 коп. А свекру, видимо, пришлось срочно продавать лавку – торговую постройку, приносящую доход [15]. Можно только догадываться о том, какие установились после этого отношения в семье, но материальные потери были у обеих сторон – свекор лишился лавки, а невестка части денег.

Мещанин Иван Алексеев Лифанов, ранее конфликтовавший со своим тестем, в середине 1840-х гг. выдал дочь Наталью замуж за штатнаго служителя Василья Федорова Жарова (Маркилова младшаго). Но в марте 1853 г. молодая женщина умерла, оставив сиротами сына Ивана 5 лет и дочь Прасковью 10 месяцев. Бабушка сирот вдова Вера Ильина Лифанова приложила старания для описи приданого имущества покойной дочери, возврата его и наличных денег сорока рублей серебром, а также для учреждения опеки над сиротами. Имущество оказалось все в целостности и сохранности. В его состав входили: два холодных матерчатых салопа на вате, кофта ситцевая кубовая, четыре шубы (немецкая сантюриевая теплая с круглым колонковым воротником, парчевая коротенькая с куньим воротником, штофная коротенькая малиновая с беличьим воротником и нанковая долгая), шесть платьев (шелковое, полутерновое, декосовое и три ситцевых), четыре платка (штофный, шерстяной, бумажный белый и бумажный большою), ситцевая занавеска с подзором, пять ситцевых наволочек, простыня миткалевая белая шитая, серьги кольцами серебряные с жемчугом, крест серебряный, чайник медный. Но наличных денег 40 руб. сер. не оказалось, т.к. они были взяты собственно на свадьбу и тогда же истрачены. Одним из назначенных Сиротским судом опекунов стал брат покойной Александр Иванов Лифанов [2, л. 6-6 об., 11].

В 1854 г. Николай Петров Конищев выдал дочь Екатерину Николаеву замуж за штатнаго служителя Василя Петрова Лычкова. Правда замужем она прожила недолго – всего 9 месяцев и в ноябре умерла. Мать покойной мещанка, вдова Анна Васильева Конищева

была при кончине дочери, после чего действовала очень решительно, «забрав всю находящуюся... в доме и на стенах и в других местах одежду, заперла в сундук и ключ взяла к себе, который у нее находился до прибытия к зданию старост и штатных служителей». 2 декабря состоялась передача приданого в присутствии свидетелей. Несмотря на это, вдова утверждала, что зять не возвратил полученные по росписи Божие милосердие (иконы), движимое имущество (перину, шесть подушек с наволочками, три простыни, одеяло) и деньги 15 руб. сер. Однако по объяснению зятя деньги были истрачены на свадьбу, и кроме того «существует во всех сословиях людей в посаде, что по смерти жены, где это случится, св. иконы, принесенные женой по случаю благословения ее родителями к браку, равно и принадлежащая все без изъятия к постели, данной по росписи, равно и деньги также по росписи, всегда остаются в пользу мужа». Видимо, перечисленные в объяснении предметы и составляли $\frac{1}{4}$ часть движимого имущества, которая по закону полагалась вдове из приданого жены. Документ фиксирует бытование традиции четко обозначенной доли вдовца в виде икон, постели и денег из приданого жены. По этой причине, вдова А.В.Конищева не получила назад часть искомого имущества [3, л. 1-1 об., 3, 5 об.].

Итак, в Сергиевском посаде приданое девушки чаще всего состояло из движимого имущества: икон, носильных вещей и денег. Под влиянием моды с середины XIX в. состав предметов женской одежды изменился. Особую ценность составляли иконы в дорогих окладах, а также украшения и предметы одежды из дорогих материалов – золотые и серебряные серьги, цепочки, колечки, жемчужные поднизи и кокошники, штофные и бархатные с дорогим мехом душегрейки, сарафаны, шубейки. Это были наиболее ликвидные вещи, их охотнее принимали в заклад при займе денег. При этом все действия с имуществом надо было оформлять документально, иначе был риск и утратить имущество, и не получить компенсации. При смерти бездетной женщины кровные родственники, заинтересованные в возврате приданого, должны были действовать очень быстро и решительно, может быть даже не вполне тактично, но по принципу «куй железо, пока горячо». В противном случае оставшееся приданое всегда можно было утаить. Наибольшие сложности были с возвратом денег. Традиция определения доли вдовца в виде икон, постели и денег из приданого жены складывается в Сергиевском посаде к середине XIX в. Наиболее успешным образом родственникам удавалось отстаивать материальные интересы осиротевших детей. В остальных случаях попытки решить конфликты через суд всегда приводили к судебным издержкам, но не всегда к желаемому результату.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1204. Оп. 1. Д. 3066.
2. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 7550.
3. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 7818.
4. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 73. Оп. 1. Д. 64.
5. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 73.
6. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 429.
7. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 2. Д. 7.
8. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 2. Д. 19.
9. Артамонова, Л.М. Взаимодействие общества и власти в деле образования женщин провинциальной России до середины XIX века / Л.М. Артамонова // Архивы и история Российской государственности. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013. – Вып. 4. – С. 81-86.
10. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. – Москва: РОССПЭН, 2015. – 910 с.

11. Смирнов, Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города / Ю.Н. Смирнов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 361-377.
12. Филимонов, К.А. Из истории жизни одного штатного служителя Лавры. 1769-1812 гг. / К.А. Филимонов // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. – Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2004. – С. 73-83.
13. Черкасова, М.В. Формирование и состав архивного фонда Ю.В. Буторовой в Сызранском филиале Центрального государственного архива Самарской области / М.В. Черкасова // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 69-73.
14. Четырина, Н.А. Духовное завещание как регулятор внутрисемейных имущественных отношений городских жителей XVIII в. / Н.А. Четырина // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. – Самара: СГАКИ, 2012. – Ч. 1. – С. 17-27.
15. Четырина, Н.А. «Дело имею правое». Сговорная запись на отпущенную на волю девицу Марью Иванову дочь Королеву в замужество за Сергиевского посада мещанского сына Ивана Иванова Балашова. Март 1843 г. / Н.А. Четырина // Исторический архив. – 2017. – № 6. – С. 163-167.
16. Четырина, Н.А. «Жить так, как закон Божий повелевает»: семейная драма в зеркале редкого документа 1816 г / Н.А. Четырина // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Самара: СГИК, 2019. – Ч. 1. – С. 253-257.
17. Шпанькова, Т.Н. Сергиев Посад: Кукуевка. Еще о Красюковке / Т.Н. Шпанькова. – Сергиев Посад, 2010. – 175 с. – (Прогулки по родному городу).

Чирков М.С.¹

Формирование советской модели культурного развития: переход от социальных потрясений начала XX века к устойчивой системе

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые трансформации отечественной культуры после революционных событий 1917 года. Затрагивается проблема становления новой культуры, проанализированы особенности советской художественной культуры.

Ключевые слова: революция, переход, культура, идеология, особенности.

Chirkov M. S.

The formation of the Soviet model of cultural development: transition from social upheavals of the early twentieth century to a sustainable system

Abstract. The article examines key transformations of Russian culture after the revolutionary events of 1917. The problem of the formation of a new culture is touched upon, features of Soviet artistic culture are analyzed.

Keywords: revolution, transition, culture, ideology, features.

Социальные потрясения являются неизбежной частью исторического процесса. Революции, меняющие облик государства и общества, пополняют историю человечества независимо от желания рядового обывателя. Причины революций могут быть различ-

¹ **Чирков Михаил Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества СГИК (Самара).